

Мое увлечение математикой началось в 1956 году, когда я стал работать на кафедре политэкономии естественных факультетов Московского университета. Я мог преподавать только по вечерам, и мне дали самый капризный поток — вечерников мехмата, которые считали, что времени у них мало и им ни к чему заниматься какой-то там политэкономией, которая к тому же довольно плохо читалась. Поскольку я был примерно одного возраста со своими слушателями — большинство из них уже имело высшее образование, обычно техническое, и они хотели получить второе, математическое,— то со многими я подружился, а с некоторыми и до сих пор продолжаю дружить. Интересно, что часть моих студентов благодаря этим занятиям увлеклась экономикой, некоторые из них стали серьезными учеными и есть даже директора экономических институтов. А меня студенты увлекли математикой, я купил кучу математических учебников и наткнулся на книги по линейному программированию. Это были западные работы, и только позже я узнал о работах Леонида Витальевича Канторовича и Виктора Валентиновича Новожилова. Таким образом, сначала я познакомился с Леонидом Витальевичем заочно — по его работам.

А очно я познакомился с Леонидом Витальевичем на Первом Всесоюзном совещании по применению математики в экономике. Открывал его А. Н. Несмеянов, который тогда был Президентом Академии наук, выступали известные математики А. А. Марков, А. Н. Колмогоров и др. Но главным событием был доклад Леонида Витальевича и обсуждение этого доклада. Основным критиком был профессор А. Я. Боярский, известный статистик, специалист по демографии. Хотя он сравнительно неплохо знал математику, даже написал учебник, но он так и не понял сути “объективно обусловленных оценок” и впоследствии весь остаток своей жизни посвятил критике Канторовича. На этом совещании не была всерьез представлена наша официальная экономическая наука, не было крупных политэкономов, членов Академии, которые крайне негативно относились к математическому направлению,— ни С. Г. Струмилина, ни К. В. Островитянова, ни Л. М. Гатовского, который потом опубликовал свой пасквиль в “Коммунисте”, не было философов, которые выступали против кибернетики и т. д. Поэтому какой-то массовой атаки на Канторовича на этом совещании не было, хотя и было несколько ругательных выступлений, например, Я. А. Кронрода, П. С. Мстиславского, но последний тогда был только кандидатом наук, а Кронрод был тогда еще относительно молодым, это позднее он стал известным. Я тоже там выступал, но, в основном, по проблемам, связанным с моделированием зарплаты, доходов, уровня жизни. На совещании я подошел к Леониду Витальевичу, и мы познакомились. Это был 1960 год. Потом я еще несколько раз виделся с Леонидом Витальевичем в Москве.

Я тогда работал в Комитете по труду и поначалу очень любил свое дело — я занимался северными льготами, районными коэффициентами, выезжал в регионы. Увлечшись межотраслевым балансом (тогда это было модно — появилась книга В. В. Леонтьева), я пытался как-то приспособить его для расчета полных затрат труда, к задачам моделирования зарплаты, доходов, построения дифференциальных балансов доходов и расходов. Это было непосредственно связано с моей основной работой. Я стал сотрудничать с Виктором Белкиным, который работал у И. С. Брука в Институте электронных управляющих машин и

тоже занимался межотраслевым балансом. Я часто ходил туда, даже что-то сам считал на вычислительной машине, кажется, на М2, была такая совсем примитивная ламповая машина. Потом я познакомился с В. С. Немчиновым, который сконцентрировал вокруг себя группу, занимавшуюся применением математики в экономике. В эту группу я, естественно, не входил, потому что у меня была другая работа, но часто бывал на их семинарах.

А в 1961 году моя жизнь сильно переменилась — я решил бросить службу в “госаппарате”, поскольку увлекся наукой, и перейти на научную работу. Я прошел по конкурсу на заведование кафедрой “Применения математики в экономике” в Плехановском институте, но меня не отпустили из Комитета — я был членом партии, входил в “номенклатуру”. И тогда единственной возможностью для меня перейти на научную работу оказался переезд в Сибирь, благодаря специальному постановлению ЦК о беспрепятственном отпуске сотрудников в Сибирское отделение АН. Я подал заявление и после трех месяцев мытарств и нескольких выговоров получил, наконец, свободу. Меня очень не хотели отпускать из Комитета, в представлении моих начальников наука — это способ уйти от реального дела (когда мое увольнение обсуждали на коллегии Комитета, один из членов коллегии, например, заявил: “Занятие наукой — это два дня работы и пять дней отдыха в неделю, стыдно молодым так работать”).

Я переехал в Новосибирск, поступил в Институт экономики и организации промышленного производства, с директором которого, Г. А. Пруденским, был хорошо знаком — он раньше работал заместителем председателя Комитета по труду.

Институт тогда располагался в самом Новосибирске, а не в Академгородке, в нескольких комнатах в здании на Советской, 20, где находился и Президиум Сибирского отделения. Но в городе не было ни места для работы, ни квартир. Я создавал новую лабораторию и мне с самого начала предложили разместить ее в Академгородке. В институте на меня смотрели, как на сумасшедшего — им казалось, что никакого Академгородка вообще не будет. А экономический институт, по их мнению, должен располагаться в городе, где находится обком партии, где размещена промышленность. Тогда считалось, что Академгородок — это страшно далеко, хотя он всего в 30 километрах от города. Но дорога была плохой, машин было мало и связь была затруднена, особенно зимой. Телефонов в Академгородке практически не было, до города было не дозвониться, поэтому мы были как бы в изоляции. Я ездил в город два раза в неделю в кузове “Москвича”-пикапа: в нем только два сидячих места, а машина с шофером присылалась за заместителем директора института, который жил в Академгородке, и он был гораздо старше меня. Так начиналась моя работа в Новосибирске.

Я формировал тогда лабораторию экономико-математических исследований (ЛЭМИ). Это было удивительное время. Ведь, по большому счету, в науке я тогда был никто; конечно, в Комитете по труду я занимал высокую должность — начальника сводного отдела, но это никакого отношения к новой работе не имело. И вот мне, человеку без имени, буквально за полгода-год удалось набрать в свою лабораторию первоклассных специалистов, переманив их из Москвы. Это были уже сложившиеся ученые, многие с очень серьезными именами, и вскоре в моей

лаборатории оказалось докторов и кандидатов наук больше, чем во всем институте. Не было проблем с квартирами, у меня была целая связка ключей.

Первый, кого я увидел, приехав в Академгородок, был Леонид Витальевич Канторович. Мы были тогда едва знакомы — и разница в возрасте и в положении, он был уже членом-корреспондентом Академии наук, заместителем директора Института математики, а я был только кандидатом наук. Но он отнесся ко мне очень дружелюбно и принял во мне большое участие, даже просто в моем обустройстве оказывал помощь. Он познакомил меня с М. А. Лаврентьевым, С. Л. Соболевым, как бы ввел в круг руководителей Сибирского отделения. И за то, что я впоследствии сблизился с ними, а потом даже стал там своим человеком, что сыграло решающую роль в моей дальнейшей судьбе,— я во многом благодарен именно ему.

Вообще Академгородок был тогда деревней, там жило всего несколько тысяч человек, жили буквально все вместе, все друг про друга всё знали. Мы подружились с Леонидом Витальевичем, стали общаться, продолжали тесно общаться и после его отъезда в Москву. Конечно, для меня он всегда был старшим, я на него смотрел “снизу вверх”. Он множество раз заходил к нам домой, и Зоя Васильевна часто его кормила, ведь он подолгу жил один. Правда, Леонид Витальевич любил готовить и сам, даже меня иногда угощал в своем коттедже. Надо сказать, что его жене Наталии Владимировне, когда она приезжала, все время не везло — как придет, то либо руку сломает, либо ногу вывихнет, либо в больницу попадет с аппендицитом. Она ужасно не любила Академгородок, а Леониду Витальевичу там нравилось, он участвовал в общих вечерах, очень любил танцевать, часто с девушками значительно выше него, и было страшно забавно на это смотреть.

У Леонида Витальевича был математико-экономический отдел в Институте математики, состоявший из совсем молодых сотрудников, только что окончивших университет. Единственным старшим сотрудником у него был Г. Ш. Рубинштейн, позднее там выдвинулся В. Л. Макаров и приехал Г. П. Акилов. Интересно, что Макаров сначала работал в нашем институте, но его сочли “негодным к науке”, и он перешел к Канторовичу. А я с Макаровым познакомился значительно раньше. Дело в том, что он написал дипломную работу по экономике труда со множеством математических формул, которую никто не мог понять, и ее не хотели ставить на защиту. И тогда лаборантка кафедры, моя очень хорошая знакомая, попросила меня как известного специалиста в этой области написать на нее рецензию. Работа мне понравилась и я дал положительный отзыв — ему поставили вроде бы даже “хорошо”, конечно же, не “отлично”.

С отделом Леонида Витальевича мы открыли объединенный семинар, на котором обсуждались разные доклады, он был как бы “полуучебным”. А у себя я вел еще и чисто учебный семинар, потому что те люди, которых я к себе привлек, были прекрасными экономистами, но большинство из них математики совсем не знало и применением математики никогда не занималось. Пришлось читать лекции по линейной алгебре, линейному программированию и т. д., в основном, я сам читал эти курсы.

Вспоминаю один эпизод. Однажды, Г. Ш. Рубинштейн и К. А. Багриновский докладывали на нашем объединенном семинаре о каком-то модернизированном

методе решения, не помню уже, какой задачи, делая выкладки на доске. Леонид Витальевич обычно на этих семинарах спал, сидя в первом ряду. Но как ни странно, он всегда все слышал и, когда доклад кончался, он просыпался и задавал содержательные и интересные вопросы, хотя казалось, что он спал. И в тот раз он дремал. А докладчики запутались в выкладках, что-то у них не получалось в доказательстве. К ним на помощь поспешили другие присутствовавшие математики, все они дружно столпились у доски, наперебой писали, стирали, но так и не могли найти ошибки. Наконец, в полном отчаянии Геннадий Соломонович подошел к Леониду Витальевичу. Тот проснулся, сказал, что все правильно, встал, подошел к доске и все стер. И тут же написал доказательство. Он изумительно писал на доске, так мог писать только человек, который всю жизнь это делал, он писал на ней так, как будто он пишет на бумаге. Я много преподавал и часто писал на доске, но я не могу так писать.

До этого случая многие мне говорили: “Ну что ты всем рассказываешь, что Леонид Витальевич — гений. Ты посмотри, он даже мысль толком выразить не может, говорит заикаясь, непонятно, что хочет сказать”. “Возьмем план”, — говорил он и, подходя к доске, рисовал на ней какую-то фигуру (он рисовал многоугольник, имея в виду множество возможных планов, но нормальному же человеку это непонятно!), — “и вот — точка”. Говорил он внешне очень нескладно, запинаясь, но если вы записываете его речь дословно, то получается очень четкая, ясная, абсолютно грамотная речь, без повторов, без вредных словечек, отшлифованная так, что можно прямо публиковать. И я никак не мог своих сотрудников убедить, что Канторович — “это голова!”. А для меня это было очень важно, мне было необходимо, чтобы они его работы изучали. А они были трудны для экономистов, его “Экономический расчет...” написан совершенно непривычным языком, возможно, сам предмет этого требовал. И этот случай стал переломным, он всех расставил по своим местам, все поняли “кто есть кто” — кто такой Багриновский, кто такой Рубинштейн, и кто Канторович. До этого все особенно восхищались Рубинштейном, который часто приходил к нам в лабораторию, читал лекции — очень четко, очень ясно, и мне все говорили: “Вот это — настоящий ученый!”

Леонид Витальевич был оппонентом по моей докторской, которую я защищал по системе оптимизационных экономико-математических моделей. Тогда был единственный совет, который принимал подобные диссертации, — в МГУ во главе с В. С. Немчиновым, и защита проходила в старом здании на Моховой. Два других оппонента — М. Я. Сонин и Н. П. Федоренко, только что назначенный директором ЦЭМИ*. Это был 1963 год, и Немчинов тогда решил уйти с директорства. М. В. Келдыш даже предложил мне стать директором, но я не мог уехать из Сибири, и мы с Немчиновым выдвинули Федоренко. Мы долго искали кандидата, который не был бы связан с политэкономией, а Федоренко был прикладником, он занимался экономикой химической промышленности. Он, правда, долго отказывался, потому что никакого отношения к математике не имел. Вообще-то, он и к науке никакого отношения не имел, он был чистейшим организатором и авторитетом среди экономистов не пользовался. Он был заместителем академика-секретаря отделения экономики АН, а в академию его “выбрал” А. А. Арзуманян, чтобы тот вез в отделении весь организационный воз.

И вот начинается защита, а двух оппонентов нет — Сонин на месте, а ни Федоренко, ни Канторовича нет. Двадцать минут проходит, полчаса, а начать заседание нельзя. Народу набилось уйма, аудитория тесная, и тогда Немчинов затеял переход в большую аудиторию — так называемую ленинскую. Проходит еще минут двадцать, я плакаты не спеша развешиваю. Вдруг появился Канторович, весь измазанный известкой,— дело в том, что аудитория была на третьем этаже, а на втором шел ремонт, он стал искать нужную аудиторию на втором этаже и весь перепачкался. А у Федоренко по пути с дачи сломалась машина, и он опоздал еще больше. В конце концов и он пришел, и меня тогда особенно поразило, что электронно-вычислительные машины он упорно называл “электро-вычислительными”. Это было очень смешно. А Леонид Витальевич очень серьезно разобрал диссертацию, покритиковал; вообще он был человеком исключительно добросовестным и доброжелательным. Тогда на защитах в этом совете вообще царила очень веселая и доброжелательная атмосфера. Помню, по моей диссертации выступил Альберт Львович Вайнштейн и начал с известной шутки: “Что такое очередь? Это социалистический подход к прилавку”. Вообще, Вайнштейн был исключительно остроумным человеком и он был очень авторитетен, так что то, что он оценил работу положительно, хотя и покритиковал, было очень приятно.

Если говорить про мои научные исследования, то Леонид Витальевич, безусловно, оказал на меня огромное влияние, он стимулировал многое из того, что я сделал, и хотя формально он и не являлся моим учителем, мы даже никогда не работали вместе с ним в одной организации, но фактически он им был для меня. И по жизни я очень многому у него научился. Поэтому я с полным правом считаю его своим Учителем с большой буквы и, скажу откровенно, мне в жизни очень повезло, что волею обстоятельств я оказался рядом с этим человеком. Ведь, есть просто хорошие ученые, есть талантливые — это сразу видно, а есть ученые, которых можно назвать гениальными. В своей жизни я встретил только одного гениального ученого — это Л. В. Канторович. И так я считаю только по его заслугам перед экономической наукой — не мне судить, что он сделал в математике, хотя слышал, что он там много выдающегося сделал, но в экономике он свершил просто переворот. Я попытаюсь это популярно объяснить.

Меня всегда поражало, что человек, не имевший систематического экономического образования, не связанный с решением экономических проблем даже эпизодически, будучи профессиональным математиком, причем не прикладником, а очень крупным теоретиком, исключительно глубоко разбирался в экономике, видел причины многих явлений — глядел вглубь. Его суждения иногда были парадоксальны, странны, так что многие относились к его высказываниям, как к глупости, говорили, что он не понимает, что говорит. На самом деле те, кто так думал, не понимали сути проблем, которые пытались исследовать. Он, возможно, благодаря своему математическому мышлению или природному складу ума как-то проникал внутрь проблем и это давало блестящий результат.

Идеи Канторовича осуществили в экономической науке огромный прорыв и положили начало очень широкому направлению исследований. Он дал совершенно новый инструментарий исследований как теоретических экономических проблем, прежде всего, связанных с экономическим равновесием,

с экономической динамикой, так и прикладных вещей, связанных с эффективностью.

Вообще в экономике главный вопрос — это “что такое хорошо и что такое плохо?”. Есть множество возможных решений и проблема состоит в том, как выбрать лучшее из них. Нужно сказать, что здравый смысл приводит, как правило, к ошибкам. Например, построили в Волгограде гидростанцию, которая дает очень дешевую электроэнергию. “Эврика!” — воскликнули люди в Госплане и поставили рядом алюминиевый завод, думая, что он будет давать самый дешевый алюминий: “раз дешевая энергия, то будет дешевым и алюминий”. Это — очевидное решение. Но на самом деле, гидростанция хороша тем, что на ней легко включать и отключать турбины, поэтому она может обслуживать пиковые нагрузки. Ведь потребление энергии идет неравномерно — днем она очень нужна, а ночью нет. Если вы ставите рядом с ней алюминиевый завод (а на него идет базовая электроэнергия), то вы лишаетесь возможности использовать эту станцию при пиковых нагрузках, и тогда, чтобы их покрыть, вы должны использовать гораздо более дорогие сооружения (например, под Москвой построена станция, которая ночью качает воду в водохранилище, а днем эта вода возвращает электричество). Кроме того, Волгоградская станция находится в единой энергетической системе, а в системе затраты определяются не лучшей станцией, а самой дорогой из работающих в ней. Поэтому, построив там завод, мы получили самый дорогой алюминий, самый неэффективный завод.

Своими исследованиями Леонид Витальевич не только прояснил все аналогичные ситуации, но и дал инструмент, который позволяет находить оптимальные решения. Приведенный пример — это ведь достаточно простой случай. Жизнь подкидывает множество разнообразных проектов, которые растянуты во времени, когда нужно дисконтировать, сопоставление доходов и расходов разных периодов, когда нужно учитывать связи разных производств. И все эти вопросы, оказывается, можно четко решить. Но кроме чисто математического достижения, новаторского метода нахождения оптимума в задачах с линейными ограничениями, исследования Леонида Витальевича имеют огромное принципиальное значение для экономики, потому что позволяют понять некоторые фундаментальные экономические закономерности. Это хорошо выразил В. В. Новожилов, который был тесно связан с Леонидом Витальевичем, указав, что локальные оптимумы не совпадают с глобальным, они противоречат друг другу и не могут осуществляться совместно. И вот Леонид Витальевич исчерпывающе разработал эту область, показав, при каких условиях эти локальные оптимумы могут быть совместимы, сбалансированы и как может быть найдено глобально-оптимальное решение. И главное, в ходе поиска этого решения находятся очень важные экономические показатели, которые он называл “объективно-обусловленными оценками” (им дают всякие названия, “оптимальные оценки”, “теневые цены”; я думаю, “оптимальные оценки” — самое простое и ясное название). Это всякого рода коэффициенты, которые в каждой задаче имеют глубокий экономический смысл и которые как раз и обеспечивают условия, при которых локальные минимумы становятся совместимыми между собой. Это очень специфичная и глубокая область, потому что сами эти оценки бывают очень разными в зависимости от специфики задачи, и они несут очень разную

качественную нагрузку, вплоть до функции цен, когда это широкая народнохозяйственная задача. И с помощью этих оценок, особенно в динамических задачах, можно очень глубоко проникать вглубь экономических структур, во взаимодействие их элементов, понимать природу воздействующих факторов, их взаимное влияние, определять полное влияние одного фактора на другой, влияние, которого не видно непосредственно, но которое происходит через воздействие на другие факторы, и т. д. Это — та область, которой не существовало, не было даже постановки такой задачи. Она была разработана Леонидом Витальевичем, если можно так сказать, на пустом месте.

Одно дело, когда перед вами ставится задача, вам ее сформулировали и вы ее решили. И совсем другое, когда разрабатывается область, о существовании которой люди даже не подозревают — они принимают решения умозрительно, считая деятельность по управлению и планированию чем-то вроде искусства и не понимая, что выбор этих решений может опираться на чисто научные разработки. И эти идеи появились у Канторовича в совершенно неподходящее время — гений, в том-то и гений, что он опережает свое время. Его работы появились в конце 30х годов и никак тогда не были востребованы, это был чистый прорыв в знаниях. Его книга “Экономический расчет наилучшего использования ресурсов”, которую он написал очень давно, еще в 1942 году, была издана только в 1959 г. Леонид Витальевич очень настойчиво пробивал ее публикацию, считая это очень важным для улучшения нашей экономики, подъема ее эффективности. Он понимал значимость своих исследований, широкого применения этих методов, но работа побывала на рецензии в Госплане, у многих видных экономистов, среди них были и умные люди, но никто ничего не понял — настолько его работа, видимо, опережала свое время. И, к сожалению, реальный интерес к работам Канторовича возник только тогда, когда линейное программирование появилось на Западе, оттуда эти идеи стали проникать к нам, и только тогда выяснилось, что он их основоположник.

В Америке эта область возникла во время войны — возникло исследование операций, появились группы при штабах, в Генштабе США, которые занимались использованием научных методов для поиска решений в военных, транспортных и других операциях, которые нужно было проводить на фронте. После войны эти группы перекочевали в крупные корпорации, они стали формулировать и ставить разные задачи — транспортную (задача Хичкока), потом другие. Крупные математики занялись этими задачами, задачи все усложнялись, и этот огромный коллективный поиск увенчался успехом в середине 50-х годов, когда была доказана основная теорема — теорема двойственности. А Леонид Витальевич слёту доказал ее еще до войны, в первой же своей работе. Таким образом, Леонид Витальевич опередил развитие науки без малого лет на 15–20. У него транспортная задача была лишь частным примером общей задачи, а нормальный путь человеческого мозга совсем другой — он идет от простого к сложному и только на каком-то этапе переходит к обобщениям.

Потом Леонид Витальевич это направление разрабатывал со своими учениками, доводя инструментарий до практического применения, выявлял разные классы задач — транспортную, раскройную, выбора оборудования и т. д., рассмотрел задачи народнохозяйственного уровня. Он совершенно по-новому

подошел к проблеме инноваций, технического прогресса. Он, безусловно, создал мощнейшее направление в экономической науке и по праву он, единственный из наших российских ученых-экономистов, завоевал высшее звание, какое существует в науке — Нобелевскую премию. Акт, с моей точки зрения, высшей справедливости — ни один экономист и близко ничего не сделал, сравнительно с Леонидом Витальевичем.

Кстати, я случайно оказался свидетелем того, как Леонид Витальевич узнал о присуждении Нобелевской премии. Дело в том, что мы одновременно попали в комиссию по проверке АСУ какого-то главка Минприбора, я был ее председателем. Мы как раз заседали, занимались этим рутинным делом (понятно, что такое АСУ!), и вдруг в это здание приехал посол Швеции — он узнал, где находится Леонид Витальевич, приехал и сообщил эту новость.

Надо сказать, что в борьбе за отстаивание математического направления в экономике и его развитие Леониду Витальевичу пришлось очень тяжело. Я не знаю перипетий сороковых и начала пятидесятых годов, а с конца пятидесятых всё на моей памяти. Против Леонида Витальевича ополчилась официальная марксистская наука во главе с К. В. Островитяновым, который был непререкаемым авторитетом — политэконом, старый большевик с дореволюционным стажем, к тому же еще и вице-президент Академии, хотя никаких серьезных научных трудов у него не было, были только отдельные публикации агитационного плана. Он препятствовал, насколько мне известно, изданию книги Леонида Витальевича и фактически он стоял за спиной тех, кто его травил. В центральных газетах появлялись всякие пасквилы с намеками, что это направление находится под влиянием буржуазной науки, что поскольку буржуазную идеологию прямо не удастся протаскивать, то это делается с помощью внедрения в экономическую науку формул, она вносится под видом математики — “лженаука, чтобы казаться наукой, придает себе математический облик”. Хотя еще Маркс писал, что “наука только тогда становится наукой, когда она овладевает математикой”. Я помню разгромную статью в “Коммунисте”. Три года шла, по-моему, борьба за Ленинскую премию, в конце концов, в 1965 году, эту премию присудили. Это была целая война.

Причем Леонид Витальевич был всегда на острие этой войны, он был человек очень прямой, не искусный в интригах, не умел сколотить какую-то группу, кого-то подговорить. Он всегда шел напролом, свои идеи всегда высказывал прямо и поэтому был легкой добычей интриганов, которые цеплялись к его словам. Вспоминаю смешной эпизод. Тогда модной была ткачиха Гаганова, которая перешла из передовой бригады в отстающую. И вот в одном из своих выступлений Леонид Витальевич сравнил себя с Гагановой: как перешедший из передовой науки — математики в отстающую — экономику. Ой, что тут было! — “у Канторовича мания величия, он сравнил себя с Гагановой!” Один раз и меня Леонид Витальевич тоже поправил. Мы с ним иногда немножко выпивали, он поднял бокал за экономическую науку. Я говорю, давайте выпьем за математическую. “Ан нет,— сказал он,— нужно пить за ту науку, которая нуждается в том, чтобы за нее пили”.

В нашем институте он был членом ученого совета, и на этом совете он был “белой вороной”. Он сохранил в себе черты детской наивности. Удивительно,

взрослый человек, прошел через все, но он был потрясающе честен. У него главным критерием была чистая совесть, чистая перед самим собой. Он мне рассказывал, что как-то, это было в тридцатые годы, его попросили, чтобы он кого-то поддержал или осудил, и он, не зная обстоятельств дела, поставил свою подпись. Ночь он не спал, а утром пришел и подпись снял, хотя его просили уважаемые им люди, которым он доверял.

Так вот, идет, например, на нашем ученом совете, в Институте организации и планирования производства, выдвижение в Академию. Это выдвижение ничего не значит, никому нет дела до того, кого Пруденский обещал поддержать (а кто-то взамен обещал поддержать его самого), никого не интересуют научные заслуги — кто-то скороговоркой чего-то скажет, и все голосуют “за”. И тут Леонид Витальевич по каждому кандидату задает какие-то вопросы, пытаюсь искренне разобраться, достоин этот человек выдвижения или нет — это настолько было смешно и неуместно.

В своей жизни Леонид Витальевич столкнулся с огромной неблагодарностью; вообще, конечно, его при жизни очень недооценивали. Его очень долго не выбирали в академики. Когда был его юбилей — 60 лет такому человеку исполнилось, а пришло всего лишь несколько человек. Кто-то из Президиума Академии поздравил его тогда с семидесятилетием и Леонид Витальевич тут же в ответ послал ему приглашение на свое семидесятилетие через десять лет.

Не знаю, остро он это переживал или нет, но его многие годы не пускали за границу. Меня ведь тоже долго не пускали. Помню, году в семидесятом был эконометрический конгресс в Риме, и Леонида Витальевича выбрали вице-президентом конгресса, а меня членом оргкомитета. Он должен был делать доклад на пленарном заседании, а я — вести секцию и делать доклад. Мы на всякий случай, поскольку долго не выезжали, попытались узнать, можем ли давать согласие на участие в конгрессе, и нас заверили, что все будет в порядке. Мы подготовили свои доклады, отправили их, а нас не выпустили — сформировали, поскольку было неудобно, чтобы СССР совсем не был представлен, какую-то делегацию из ЦЭМИ, из младших сотрудников, и прислали туда. А их вообще не пустили на конгресс! Был грандиозный скандал. Президент эконометрического общества сам зачитал доклад Канторовича на пленарном заседании, зал стоя аплодировал, хотели принять осуждающую резолюцию и т. д. Не знаю, как обошлись с Леонидом Витальевичем, а меня вызывали, страшно ругали за то, что я вместо того, чтобы сообщить, что я внезапно заболел, написал, что по независящим от меня обстоятельствам приехать не смогу.

Когда Леонид Витальевич получал Нобелевскую премию, об этом долго не сообщалось, потому что в тот же год ее получил и Андрей Дмитриевич Сахаров. И такое важное для нашей науки, для ее престижа событие замалчивалось. Помню, как-то позднее Анатолий Петрович Александров, Президент Академии, приехал в Академгородок. Устроили банкет, тосты стали поднимать. И вдруг Анатолий Петрович говорит: “Вот нас здесь много академиков сидит, членов Президиума, секретарей отделений, крупнейших ученых, но давайте честно себе скажем, ведь Нобелевский-то лауреат среди нас только один — Канторович! И я предлагаю выпить за него”. И мне было ужасно приятно, что хоть один человек понимал, что это такое — Нобелевская премия, тем более для советского ученого, при

огромной конкуренции. Это были первые премии по экономике — это не сейчас, когда получить Нобелевскую премию по экономике уже не так много значит.

*Текст приводится по книге: «Леонид Витальевич Канторович: человек и учёный». В 2 т. /
Редакторы-составители В.Л. Канторович, С.С. Кутателадзе, Я.И. Фет.-Новосибирск:
Издательство СО РАН, Филиал «Гео», 2002.- Т.1.*